

Ф. Д.
БАТЮШКОВ

Избранное

Федор Батюшков

Две встречи с А. П. Чеховым

«Public Domain»

1920

Батюшков Ф. Д.

Две встречи с А. П. Чеховым / Ф. Д. Батюшков — «Public Domain», 1920

ISBN 978-5-457-36229-1

«И мимолетные встречи с большим человеком оставляют в душе заметный след, к которому невольно возвращаешься. Чехов был для меня долгое время знакомым-незнакомцем, ибо переписываться я с ним стал с 1897 г., а увиделся лично впервые в 1902 г. Письма Чехова теперь всеми оценены, собраны, изданы, об их качествах может судить всякий наделенный вкусом человек...»

ISBN 978-5-457-36229-1

© Батюшков Ф. Д., 1920

© Public Domain, 1920

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	7
Комментарии	

Федор Дмитриевич Батюшков Две встречи с А. П. Чеховым

И мимолетные встречи с большим человеком оставляют в душе заметный след, к которому невольно возвращаешься.¹ Чехов был для меня долгое время знакомым-незнакомцем, ибо переписываться я с ним стал с 1897 г., а увиделся лично впервые в 1902 г. Письма Чехова теперь всеми оценены, собраны, изданы, об их качествах может судить всякий надежный вкусом человек.² Удивительно, что он так раскрывался в письмах и перед адресатом, которого никогда не видал, что он мог писать не зная человека, словно своему хорошему знакомому, и даже как-то индивидуализируя обращение, придавая ему характер некоторой интимности. Обыкновенно ведь, когда пишешь письмо, мысленно представляешь себе, к кому обращаешься, и это влияет на стиль и содержание письма. У Чехова этого не было: он остается везде самим собой, и, может быть, прав был Куприн в своих воспоминаниях об Антоне Павловиче, что он совершенно с равным вниманием относился ко всем, с кем приходилось ему разговаривать³ – добавляю – и переписываться. Ему достаточно было двух-трех указаний от общих знакомых, понаслышке, кто данное лицо, обратившееся к нему с письмом (в настоящем случае первым посредником нашего «знакомства по письмам» был В. А. Гольцев⁴, несколько позже – жена А. П., артистка Московского Художественного Театра О. Л. Книппер, с которой я был знаком по ее деятельности в театре Станиславского и Немировича-Данченко)⁵, – Антон Павлович писал как бы к знакомому человеку⁶ и даже сообщая то, что особенно должно было интересовать его по правдоподобию предположению (напр., он сообщал мне из Ниццы о деле Дрейфуса и роли Зола в этом деле^[1], писал свои впечатления о Горьком, сообщал о постановках своих пьес и т. д. – все это выходило за пределы «деловых» писем к редактору журнала, в котором Чехов согласился сотрудничать).⁷

И вот к обаянию крупного писателя прибавилось обаяние необыкновенно привлекательного человека, которого как-то нельзя было не полюбить, хоть несколько приблизившись к его личной жизни. Это происходило, конечно, от душевных свойств самого Чехова, в котором была эта притягивающая сила любви. Всякая получка письма от него была настоящим праздником, и чем больше я вчитывался в его произведения, тем яснее обрисовывался мне и человек, стоявший к вам так высоко и так близко.

¹ Наскоро мною были записаны эти встречи с Чеховым для печати, так как редактор «Солнца России» непременно требовал что-нибудь о «личном знакомстве». Я не умею отказывать, предупредив, что могу дать лишь очень небольшое. Теперь дополняю недосказанное и недописанное.

² Имеются в виду: Письма А. П. Чехова. М., 1912–1916. Т. 1–6 (2-е изд., испр. и доп. М., 1913. Т. 1–3).

³ «Я глубоко убежден в том, – писал А. И. Куприн, – что Чехов с одинаковым вниманием и с одинаковым проникновением, любопытством разговаривал с ученым и с разносчиком, с просящим на бедность и с литератором, с крупным земским деятелем и с сомнительным монахом, и с приказчиком, и с маленьким почтовым чиновником, отсылавшим ему корреспонденцию» (Чехов в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 417).

⁴ Гольцев Виктор Александрович (1850–1906) – юрист, литератор, общественный деятель, редактор журнала «Русская мысль»; друг Чехова, с которым находился в постоянной и весьма интенсивной переписке.

⁵ Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868–1959) – жена Чехова с 1901 года.

⁶ До настоящего времени выявлено 18 писем Чехова к Батюшкову (все они вошли в Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 12 т. М., 1974–1983. Далее ссылки на это издание даются сокращенно) и 24 письма Батюшкова к Чехову (см.: Архив А. П. Чехова. Аннотированное описание писем к А. П. Чехову. М., 1939. Вып. 1. С. 16; письмо от 14 января 1904 года опубликовано полностью (см. примеч. 20); ряд фрагментов приведен в комментариях к письмам Чехова в Полн. собр. соч. и писем).

⁷ Возглавив в 1897 году русский отдел международного журнала «Cosmopolis», Батюшков обратился к многим русским писателям и деятелям культуры с предложением принять участие в новом издании. Чехова он собирался с этой целью посетить, но этот визит не состоялся, и предложение было изложено в письме, на которое Чехов ответил благодарностью, согласием и пожеланием Батюшкову успеха. Этот обмен письмами и явился началом их переписки, продолжавшейся до января 1904 года.

И вот, весной 1902 г., проездом через Москву на юг России, я решился остановиться между двумя поездами, узнав, что Чехов в Москве, и поехал к нему на авось, без предупреждения.

На вопрос: «Дома ли Антон Павлович?» я услышал, вероятно, общее распоряжение для всякого нового лица: «Дома нет». Я подал карточку и просил доложить Ольге Леонардовне. Через минуту меня попросили войти в кабинет; Антон Павлович вошел быстрым и, показалось мне, бодрым шагом, с веселой улыбкой, приветливый, радушный: «Это вы? Наконец-то, давно пора... Садитесь. Ну, что, скоро у нас будет конституция?»^[2]

Наружность Чехова много раз описывали. Меня только поразило, что он выше ростом, чем я представлял себе. Затем покорила глаза и удивительно приятный тембр голоса. Глаза вовсе не голубые, как писали, а карие, лучистые, ласковые и немного вопросительные.⁸ Антон Павлович сел спиной к свету, но только сошла улыбка с его лица, обнаружились морщины, землистый цвет кожи, что-то болезненно потухающее. Вслед за А. П. вошли его жена и артист Вишневский⁹. Через несколько минут первая робость от встречи с «самим» Чеховым прошла, и я почувствовал себя, как с добрым, старинным хорошим знакомым, удивительно ласковым, внимательным, сердечным. Говорили о политике – ибо Антон Павлович был в полосе, когда он действительно настойчиво и нетерпеливо ожидал «конституции», которую, как он шутя заявлял в одном письме, уже даровал своим карасям в Мелихове.¹⁰

Чехов расспрашивал о настроениях в Петербурге, жаловался, что очень тяготится вынужденным пребыванием в Ялте, которая ему сильно надоела. Напомнил о его болезни машинальный жест, который я сделал, вынув папиросник и спрашивая у хозяйки разрешения закурить. Вишневский покачал головой и строго сказал мне, что в присутствии А. П. курить нельзя. Но Чехов, насупив брови, остановил его: «Вы видите – окно открыто; я очень прошу вас, закурите» – и сам подал мне спички.

Я подошел к окну, чтобы не подчеркивать своей неловкости, но, конечно, постарался поскорее бросить папироску. И эта случайная рассеянность неисправимого курильщика мне испортила настроение: я уже не мог отделаться от впечатления, что передо мною больной, приговоренный человек, который может лишь протянуть некоторое время, принимая всякие предосторожности. Что-то сжалось внутри.

Пересев снова на прежнее место, возле хозяйки, я заметил, что никак не ожидал, чтобы Антона Павловича так захватили вопросы общественности и политики, так как полагал, что искусство ему всего дороже. «Об искусстве поговорим в другой раз, – заметил А. П. – Теперь надо, чтобы в России создались более сносные условия для существования. Мы ужасно отстали. Вот приеду в Петербург, дам вам знать, поговорим. Нужно, очень нужно мне побывать в Петербурге».

⁸ См. сходное наблюдение А. И. Куприна: «Многие впоследствии говорили, что у Чехова были голубые глаза. Это ошибка, но ошибка до странного общая всем, знавшим его. Глаза у него были темные, почти карие, причем раек правого глаза был окрашен значительно сильнее, что придавало взгляду А. П., при некоторых поворотах головы, выражение рассеянности» (Там же. С. 406). О «голубых, лучистых и глубоких» глазах Чехова писал, например, В. Г. Короленко (Там же. С. 73).

⁹ Вишневский Александр Леонидович (1861–1943) – артист МХТ, товарищ Чехова по таганрогской гимназии.

¹⁰ Батюшков имел в виду следующую фразу из письма Чехова к В. Н. Ладыженскому от 4 февраля 1899 года: «Караси мои здравствуют и уже настолько созрели, что хочу дать им конституцию» (Письма. Т. 8. С. 72; впервые опубликовано: На памятник А. П. Чехову. Стихи и проза. СПб., 1906. С. 176).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Это было письмо от 23 января (4 февраля) 1898 года. Речь идет о сфабрикованном «деле» капитана французской армии (еврейского происхождения) Альфреда Дрейфуса, незадолго перед тем вторично осужденного за шпионаж, и знаменитом выступлении в его защиту Эмиля Золя. «У нас только и разговора, – писал Чехов, – что о Золя и Дрейфусе. Громадное большинство интеллигенции на стороне Золя и верит в невинность Дрейфуса. Золя вырос на целых три аршина; от его протестующих писем точно свежим ветром повеяло, и каждый француз почувствовал, что, слава Богу, есть еще справедливость на свете и что, если осудят невинного, есть кому вступиться. Французские газеты чрезвычайно интересны, а русские – хоть брось. „Новое Время“ просто отвратительно» (Письма. Т. 7. С. 157).

2.

Ср. в воспоминаниях А. И. Куприна: «Странно – до чего не понимали Чехова! Он – этот „неисправимый пессимист“, как его определяли, – никогда не уставал надеяться на светлое будущее, никогда не переставал верить в незримую, но упорную и плодотворную работу лучших сил нашей родины. Кто из знавших его близко не помнит этой обычной излюбленной Фразы, которую он так часто, иногда даже совсем не в лад разговору, произносил вдруг своим уверенным тоном: „Послушайте, а знаете что? Ведь в России через десять лет будет конституция“. Да, даже и здесь звучал у него тот же мотив о радостном будущем, ждущем человечество, который отозвался во всех его произведениях последних лет» (Чехов в воспоминаниях современников. С. 409).